

Письменные замечания заявителя

по делу № 9183/16 «Сингла против России»

Фактические обстоятельства дела

1. Заявитель не оспаривает изложение фактов дела Секретариатом Суда, за исключением того обстоятельства, что он более не отбывает наказание в виде лишения свободы: 27 июня 2016 г. он был условно-досрочно освобожден от дальнейшего отбывания наказания.

2. Кроме того, 27 июня 2016 г., в день освобождения Заявителя из колонии, Управление Федеральной миграционной службы (УФМС) России по Республике Мордовия (РМ) приняло решение о депортации Заявителя (см. страницы 16—17 приложений к письменным замечаниям властей). Это решение было мотивировано только ссылкой на распоряжение Минюста России о нежелательности пребывания (проживания) Заявителя в РФ от 14 января 2015 г. и указанием на то, что «[н]езаконное пребывание [Заявителя] на территории [РФ] после освобождения из мест лишения свободы создаёт реальную угрозу общественному порядку, правам и законным интересам граждан [РФ]».

3. 29 июня 2016 г. Заявитель попытался покинуть Россию и вылететь в Индию, однако ему было отказано в выезде из страны со ссылкой на поручение Управления Федеральной службы судебных приставов (УФССП) по г. Москве.

4. 05 октября 2016 г. Ленинский районный суд г. Саранска РМ своим решением признал решение о депортации Заявителя от 27 июня 2016 г. незаконным. Суд первой инстанции пришел к выводу, что решение о депортации вынесено преждевременно, т.к. условно-досрочное освобождение от отбывания наказания означает, что наказание исполняется без изоляции от общества, а это предполагает в качестве обеспечительной меры временное ограничение в праве на выезд за пределы РФ, поскольку

реальный контроль со стороны уполномоченных государственных органов возможен лишь в пределах территории РФ (см. приложение 2).

5. 17 января 2017 г. судебная коллегия по административным делам Верховного суда РФ своим апелляционным определением, вынесенным по результатам рассмотрения апелляционной жалобы УФМС России по РФ, отменила решение Ленинского районного суда г. Саранска от 05 октября 2016 г. и оставила без удовлетворения заявление Заявителя о признании незаконным и отмене решения о депортации (см. приложение 3). Суд апелляционной инстанции признал выводы суда первой инстанции несостоятельными и добавил следующее: «[В] материалах дела имеются сведения о семейном положении [Заявителя], которые свидетельствуют о том, что на территории [РФ] у него имеются двое несовершеннолетних детей. Само по себе семейное положение административного истца и наличие у него на территории [РФ] несовершеннолетних детей не влечет в безусловном порядке признание решения о депортации нарушающим его права на уважение личной и семейной жизни, поскольку оно принято с учетом степени общественной опасности деяний административного истца, с соблюдением вытекающих из Конституции [РФ] требований справедливости, соразмерности. Из анализа статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, статьи 1 Протокола № 7 [к] названной Конвенции, статей 12 и 13 Международного пакта «О гражданских и политических правах» следует, что нормы международного законодательства признают допустимым право государства ограничивать права и свободы граждан, в том числе иностранных, если вмешательство со стороны публичных властей осуществлено в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Оспариваемое решение о депортации принято с учетом степени общественной опасности деяний иностранного гражданина и не нарушает его права в сфере семейной жизни».

6. Таким образом, мотивировка апелляционного определения от 17 января 2017 г. не выходит за рамки мотивировок судебных актов, принятых в рамках оспаривания Заявителем распоряжения о нежелательности его пребывания (проживания) в РФ, изложенных в его жалобе, поданной в Суд.

Вопросы права

Приемлемость жалобы

7. Поскольку Суд не поставил перед сторонами разбирательства вопросов, касающихся приемлемости жалобы, а власти в своих письменных замечаниях, формально ведя речь о неприемлемости жалобы как явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции, фактически оспаривают не её приемлемость, но высказываются по существу – об отсутствии, по их мнению, признаков нарушения статьи 8 Конвенции, Заявитель не приводит никаких аргументов на счёт приемлемости жалобы. За исключением того обстоятельства, что решение о его депортации принято и признано судами законным, по причине чего он сохраняет статус жертвы нарушения, на которое он подал жалобу в Суд, несмотря на то, что фактически он до сих пор не депортирован из России.

Ответы на вопросы Суда под номером 1: «Какие именно вопросы были рассмотрены национальными судами в рамках разбирательства по заявлению Заявителя об отмене распоряжения о нежелательности его пребывания (проживания) в Российской Федерации? Был ли судами рассмотрен вопрос о соблюдении баланса между необходимостью обеспечения общественного порядка и правом заявителя на уважение его личной и семейной жизни?», – а также ответы на соответствующие аргументы властей

8. Национальные суды рассмотрели только и исключительно следующие вопросы:

8.1. количество эпизодов (18) и квалификация по подпунктам, части и статье Уголовного кодекса (УК) РФ (п.п. «а» и «б» ч. 1 ст. 165) тех преступлений, за совершение которых Заявитель был осужден;

8.2. соблюдение процедуры принятия решения (вынесение уполномоченным органом – Минюстом России по представлению другого уполномоченного органа – УФСИН России по РМ);

8.3. наличие конкретного срока, на который принято решение (до погашения судимости 27 сентября 2020 г.);

8.4. наличие «реальной угрозы общественному порядку, правам и законным интересам граждан», критерием оценки которой названо исключительно «наличие у заявителя непогашенной судимости», которая «служит основанием для оценки личности и совершенных ею преступлений как обладающих повышенной общественной опасностью», а также привлечение к уголовной ответственности «за совершение особо тяжкого преступления» (что признано судом второй инстанции «технической опиской», поскольку фактически речь идёт о преступлениях средней тяжести);

8.5. наличие у Заявителя двух дочерей 2006 и 2009 годов рождения, совместное проживание с ними ранее в квартире, в которой Заявитель являлся собственником и долю в которой он позже подарил одной из дочерей; продажа другой квартиры Анохиной Наталии Владимировне; работа главой представительства одной компании и учредителем двух других;

8.6. невозможность (исключение), по мнению суда, «сохранения непосредственных социальных связей с семьей» в случае помещения в места лишения свободы на достаточно длительный срок;

8.7. отсутствие в российском законодательстве и международном праве положений, согласно которым «само по себе семейное положение [Заявителя] и наличие у него на территории [РФ] семьи, его

деятельность» (к чему судом апелляционной инстанции были добавлены намерение заключить брак с гражданкой России, а также обучение в высшем учебном заведении – см. с. 57 формуляра жалобы в Суд) влекли бы «в безусловном порядке» признание решения о нежелательности его пребывания на территории РФ нарушающим его права на уважение личной и семейной жизни;

8.8. невозможность поставить безопасность большинства населения в зависимость от наличия у иностранного гражданина устойчивых семейных связей на территории РФ (см. страницы 37—39 формуляра жалобы в Суд).

9. Суды не рассматривали вопрос о соблюдении баланса между необходимостью обеспечения общественного порядка и правом заявителя на уважение его личной и семейной жизни. Заявитель не считает рассмотрением этого вопроса лишь только упоминание в судебных актах наличия у него маленьких детей и жилья, намерения вступить в брак с гражданкой России, обучения в высшем учебном заведении и мест работы. Равным образом о рассмотрении этого вопроса не свидетельствует указание на то, что факторы его личной и семейной жизни не могут быть безусловным основанием для признания распоряжения о нежелательности его пребывания (проживания) в РФ незаконным. (Власти в своих письменных замечаниях выделяют в решениях судов именно это и сами повторяют данный аргумент применительно к наличию детей – см. пункты 34, 37 и 68. Ровно этим самым мотивировано и апелляционное определение от 17 января 2017 г., принятое в рамках оспаривания решения о депортации.) То обстоятельство, что все эти факторы сами по себе действительно не могут служить безусловным основанием для того, чтобы позволить Заявителю остаться в России, является совершенно очевидным. И Заявитель никогда не утверждал иного ни на национальном уровне, ни в своей жалобе в Суд. Однако это не изменяет того обстоятельства, что вопрос о балансе фактически рассмотрен не был. На это также косвенно указывает и вывод национальных судов о невозможности

ставить безопасность большинства населения в зависимость от наличия у иностранца устойчивых семейных связей на территории РФ, т.е. суть провозглашение безусловного приоритета безопасности над правом на уважение личной и семейной жизни, исключающего необходимость и возможность задаваться вопросом обеспечения баланса интересов общества и личности. Также стоит отметить, что российские власти, перечисляя в своих письменных замечаниях те вопросы, которые были рассмотрены национальными судами, не указали на этот баланс интересов. Они назвали лишь факт принятия решения уполномоченным органом в соответствии с установленным порядком и при наличии достаточных данных, указывающих на реальную угрозу обществу (см. пункт 32 письменных замечаний властей).

10. При этом Заявитель не может согласиться с утверждением властей, будто бы суд первой инстанции пришел к выводу, что решение о нежелательности его пребывания (проживания) в РФ было принято «при наличии достаточных данных, указывающих на реальную угрозу общественному порядку, правам и законным интересам граждан [РФ]» (см. пункт 32 письменных замечаний властей). Потому что единственным основанием для вывода о наличии такой угрозы явилась непогашенная судимость Заявителя. И даже применительно к этой судимости суды не рассматривали вопрос о конкретном характере и конкретной общественной опасности тех преступлений, в совершении которых Заявитель был признан виновным. Заявитель не может согласиться с ничем не обоснованными утверждениями властей, будто бы эти вопросы были рассмотрены (см. пункт 40 письменных замечаний властей). Равным образом Заявитель никак не может согласиться с утверждением властей, будто бы национальные суды проанализировали доводы Заявителя. Против этого со всей очевидностью свидетельствует даже простое сравнение доводов Заявителя в их кратком изложении Секретариатом Суда, которое власти не оспаривали, и актов российских судов, в том числе анализ судебных решений самими властями в их письменных замечаниях (см. пункты 32—37 письменных замечаний властей). Апелляционное определение от 17 января 2017 г. отличает та же

самая проблема: в части интересов общества оно содержит лишь абстрактную ссылку на некий «учет степени общественной опасности деяний иностранного гражданина».

Ответы на вопросы Суда под номером 2: «Являлось ли распоряжение о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации вмешательством в право заявителя на уважение его личной и семейной жизни по смыслу пункта 1 статьи 8 Конвенции? Если да, то было ли это вмешательство предусмотрено законом и необходимо [в демократическом обществе] по смыслу пункта 2 статьи 8 Конвенции (см. *Üner v. the Netherlands* [GC], no. 46410/99, §§ 54-60, ECHR 2006-XII и *Jeunesse v. the Netherlands* [GC], no 12738/10, §§ 106-09, 3 October 2014)?», – а также ответы на соответствующие аргументы властей

Наличие вмешательства

11. Власти прямо признали, что распоряжение о нежелательности пребывания (проживания) в РФ представляло собой вмешательство в право на уважение личной и семейной жизни Заявителя по смыслу пункта 1 статьи 8 Конвенции (см. пункт 42 письменных замечаний властей). В связи с этим Заявитель не видит смысла в дополнительном обосновании этого бесспорного обстоятельства.

Законность вмешательства

12. Заявитель не утверждал в своей жалобе, поданной в Суд, и не утверждает в настоящее время, что это вмешательство не было предусмотрено законом по смыслу пункта 2 статьи 8 Конвенции. Соответственно, он оставляет без ответа все аргументы властей в пользу этого бесспорного обстоятельства (см. пункты 43—50 письменных замечаний властей).

Наличие допустимых интересов и целей

13. Заявитель также не утверждал в своей жалобе, поданной в Суд, и не утверждает в настоящее время, что названное вмешательство не преследовало интересы и цели, допустимые в соответствии с пунктом 2 статьи 8 Конвенции. Вопрос об интересах и целях вмешательства также не ставился Судом. Соответственно, заявитель оставляет без ответа и аргументы властей, касающиеся данного бесспорного обстоятельства (см. пункт 51 письменных замечаний властей).

Необходимость вмешательства в демократическом обществе

14. Проводя параллель с делом Заявителя, российские власти в своих письменных замечаниях утверждают, будто бы в Постановлении Суда по делу *Joseph Grant v. the United Kingdom*, no. 10606/07, 8 January 2009 речь идёт о заявителе, правонарушения которого не были связаны с насилием или не были особо тяжкими, но совершались достаточно регулярно в течение небольшого промежутка времени. Аргумент властей, основанный на этом Постановлении, не доведен до логического конца. Но, вероятно, они хотели сказать, что при таких обстоятельствах, которые они сочли схожими с обстоятельствами дела Заявителя, даже ненасильственные правонарушения могут оправдывать высылку Заявителя на родину, где он не был длительное время (по делу *Joseph Grant* – это 34 года). Однако обстоятельства дела *Joseph Grant* не такие, какими их попытались представить российские власти. Во-первых, среди преступлений, в которых заявитель был признан виновным, встречались и насильственные, включая ограбление и нападение на полицейского, а также нахождение с оружием в общественном месте, хранение и сбыт наркотиков (см. пункт 38 Постановления Суда). Во-вторых, речь шла не о небольшом промежутке времени, а напротив, о совершении преступлений на протяжении 21 года, в том числе вынесении в отношении заявителя 32 приговоров за совершение 52 преступлений на протяжении одних только последних 15 лет (см. пункты 9—10 Постановления Суда). В-третьих, заявитель по делу *Joseph Grant* был предупрежден о том, что он может быть депортирован из-за своего поведения за 16 лет до того, как это

фактически произошло (см. пункт 39 Постановления Суда). Не говоря уже о том, что заявитель по этому делу никогда не проживал со своими детьми, трое из четырех его детей уже достигли совершеннолетия, а младшая дочь проживала с матерью и её мужем (см. пункт 40 Постановления Суда). Таким образом, дело *Joseph Grant* фактически несравнимо с делом Заявителя.

15. В любом случае, власти верно отметили, что Заявитель был признан виновным в 18 эпизодах причинения особо крупного имущественного ущерба властям г. Москвы, совершенным группой лиц по предварительному сговору (см. пункт 58 письменных замечаний властей). И Заявитель не оспаривает, что всё это должно быть учтено при определении того, соблюден ли баланс интересов общества и его интересов при решении вопросов о том, признавать ли нежелательным его пребывание (проживание) в РФ, депортировать ли его, равно как в раках разбирательств по оспариванию этих решений. (Хотя национальные суды фактически не рассматривали вопрос о характере и тяжести совершенных Заявителем преступлений, ограничившись упоминанием лишь количества эпизодов и их квалификации по УК РФ.) Однако претензия Заявителя заключается в том, что не было учтено огромное количество факторов, касающихся его личной и семейной жизни, которые, по его мнению, будучи учтенными, могли бы склонить чашу весов в пользу необходимости предоставления ему права остаться в России, несмотря на факт признания его виновным в совершении тех преступлений, за которые он был осужден.

16. Эти неучтенные факторы подробно названы в Постановлениях Суда по делам *Üner* и *Jeunesse*, на которые Суд прямо сослался при постановке своего последнего вопроса по делу Заявителя. Власти несколько раз упомянули в своих письменных замечаниях Постановление по делу *Üner* (см. пункты 53, 54 и 59 письменных замечаний властей), однако ни разу не назвали пункт 57, в котором перечислены эти самые факторы, в том числе те из них, которые применимы к делу Заявителя:

16.1. характер и тяжесть преступлений, совершенных заявителем. Как было показано выше, по делу Заявителя национальные суды фактически не рассматривали даже этот вопрос. Власти в своих письменных замечаниях лишь назвали преступления, в совершении которых был признан виновным Заявитель, словами, а не только через ссылку на подпункты, часть и статью УК РФ. Однако содержание и тяжесть этих преступлений вновь осталась непроанализированной;

16.2. длительность пребывания заявителя в стране, из которой он высылается. В решении суда первой инстанции указано, что Заявитель ссылаясь на проживание в России с 1991 г. (см. страницу 35 формуляра жалобы в Суд), однако ничто в судебных актах не свидетельствует о том, что это было каким-то образом учтено. Российские власти в своих письменных замечаниях по этому поводу также не высказались;

16.3. время, прошедшее с момента совершения преступления, и поведение заявителя в этот период. Ничто в судебных актах не свидетельствует и об учёте этого фактора. В своих письменных замечаниях власти сослались на представление администрации колонии, в которой Заявитель отбывал наказание, представленное суду в рамках рассмотрения вопроса о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, согласно которому Заявитель «характеризуется отрицательно и не встал на путь исправления» (см. пункт 60 письменных замечаний властей). Однако, во-первых, согласно представленному властями постановлению Zubovo-Polyanskogo районного суда РМ от 10 августа 2015 г., отрицательная характеристика была дана Заявителю по следующим причинам: «Требования администрации и правила внутреннего распорядка выполняет с нарушениями. На профилактическом учете не состоит. (Заявитель не уверен, является ли это отрицательной характеристикой – О.А.) За время отбывания наказания в [исправительной колонии] режим содержания нарушал 2 раза, за что наказывался в дисциплинарном

порядке. Поощрений не имеет. <...> [На мероприятия воспитательного характера] реагирует не всегда правильно. На индивидуально-воспитательные беседы, беседы профилактического характера реагирует слабо. <...> Вину в совершенном преступлении по приговору суда не признал». Какие именно требования администрации и с какими нарушениями выполнялись Заявителем, за что именно он дважды наказывался в дисциплинарном порядке, в чем заключается его не всегда правильная реакция на мероприятия воспитательного характера и что означает «слабость» реагирования на беседы, в решении суда не указано. Однако Заявитель в любом случае затрудняется в понимании того, каким образом всё это может оправдывать «настоящую общественную потребность выдворить [его из страны], и, в частности, что эта мера соразмерна преследуемой цели», о чем власти пишут тут же, в следующем пункте своих письменных замечаний (см. пункт 60 письменных замечаний властей). Во-вторых, тот же Zubovo-Polyanskiy районный суд РМ своим постановлением от 14 июня 2016 г., копию которого власти даже приложили к своим письменным замечаниям (см. страницы 18—19 приложений), освободил Заявителя от дальнейшего отбывания наказания условно-досрочно на неотбытый срок 1 год 3 месяца и 13 дней. Решение об этом было принято с учетом мнения администрации колонии, поддержавшей ходатайство Заявителя об условно-досрочном освобождении. При этом в постановлении суда отмечено, что из объяснений представителя колонии и представленных материалов, а также личного дела Заявителя следует, что он имеет 4 поощрения, 12 февраля 2016 г. он был переведен на облегченные условия отбывания наказания. Несмотря на непризнание вины, суд пришел к выводу, что «своим поведением, отношением к совершенному им деянию [Заявитель] доказал своё исправление»;

16.4. гражданство тех, кого затрагивает эта ситуация. В судебных актах упомянуто, что Анохина Наталия Владимировна, с которой Заявитель хотел оформить брак, является гражданкой России. Однако гражданство

детей Заявителя даже не было упомянуто. И в любом случае суды не рассмотрели вопрос о том, каким образом гражданство детей и гражданской жены Заявителя, свидетельствующее об их связи с Россией, влияет на возможность реализации ими семейной жизни с Заявителем за пределами России. Не высказались об этом и власти в своих письменных замечаниях;

16.5. семейная ситуация заявителя, такая как длительность брака и другие факторы, свидетельствующие о реальности семейной жизни пары. Длительность гражданского брака между Заявителем и Анохиной Наталией Владимировной, являющейся матерью двух их совместных дочерей, старшей из которых на момент судебного разбирательства об оспаривании распоряжения было 9 лет, а судебного разбирательства об оспаривании депортации – почти 11 лет, судами никак не учитывалась. Во всяком случае, в судебных актах об этом ничто не свидетельствует. Суд высказал мнение, что «сохранение непосредственных социальных связей с семьей» в случае помещения в места лишения свободы на достаточно длительный срок исключено, но никак не мотивировал это своё мнение. Вместе с тем, как Заявитель прямо указывал в своей жалобе, поданной в Суд, его супруга и старшая дочь поддерживали с ним тесную связь даже после заключения под стражу и во время отбывания наказания в колонии. Для младшей дочери это было затруднительно в силу возраста. Так, супруга Заявителя практически каждый день разговаривала с ним по телефону (через официальную телефонную связь для мест отбывания наказания zonatelecom) и приезжала на свидания с Заявителем максимальное количество раз, которое допускается российским законодательством, в том числе вместе со старшей дочерью. Супруга Заявителя привозила ему передачи, отправляла посылки, перечисляла деньги на счет для приобретения продуктов в магазине колонии, пополняла счет телефонной карты, оформляла подписки на журналы, оплачивала заочное обучение

Заявителя (см. пункт 56.8 формуляра жалобы в Суд). Власти оставили все эти аргументы Заявителя без комментариев;

16.6. возраст детей. Он был назван в актах национальных судов. Однако ничто в них не свидетельствует о том, что возраст детей Заявителя был каким-то образом учтен. В частности, что была рассмотрена возможность реализации ими семейной жизни с Заявителем за пределами России с учетом того, что дети не были настолько маленькими, чтобы не заметить переезда в другую страну и легко в ней адаптироваться, а с другой стороны, не были настолько большими, чтобы такие вещи не сказались на возможности их общения с другими российскими родственниками и начатого ими (на момент разбирательства по делу о распоряжении – только старшей дочерью Заявителя) обучения в российской школе. В письменных замечаниях властей этот фактор также не упоминается;

16.7. серьезность тех проблем, с которыми супруга заявителя столкнулась бы в стране, в которую депортируется заявитель. Данное обстоятельство абсолютно не рассматривалось судами. И не было упомянуто властями в их письменных замечаниях. Хотя в своей жалобе Заявитель прямо указал, что его супруга является гражданкой России, коренной москвичкой с тесными связями со своей страной и своим городом, её двоюродный дед был Героем Советского Союза, летчиком-истребителем, погибшим во время Второй мировой войны, именем которого названа улица в Москве – ул. Александра Лукьянова, у неё нет абсолютно никаких связей с какой бы то ни было другой страной, в частности, с Индией. В своей кассационной жалобе Заявитель указывал, что его супруга и дети не владеют языком, необходимым для проживания в Индии. Однако и этот аргумент остался без ответа, в том числе в письменных замечаниях властей;

16.8. наилучшие интересы и благополучие детей, в частности, те проблемы, с которыми они столкнулись бы в стране, в которую

депортируется заявитель. Данный вопрос абсолютно не рассматривался национальными судами и даже не упоминался ими. Как не был он упомянут и российскими властями в их письменных замечаниях. Несмотря на то, что Заявитель прямо указывал в своей жалобе, поданной в Суд, что его дочери являются гражданками России, родились в Москве, всю свою жизнь прожили в России, имеют связи только с Россией и не имеют никаких связей с какой-либо другой страной, в т.ч. с Индией, старшая дочь ходит в российскую школу, а младшая на тот момент еще не обучалась в школе по возрасту. Они находятся в тесных семейных связях со своей 76-летней бабушкой – Ларисой Сергеевной Анохиной, матерью супруги Заявителя, которая практически постоянно находится с детьми, отводит старшую дочь в школу, забирает ее оттуда, делает вместе с ней уроки, кормит детей, ходит с ними на прогулки, по выставкам и театрам (см. пункт 56.6 формуляра жалобы в Суд);

16.9. прочность социальных, культурных и семейных связей со страной, из которой заявитель депортируется, и страной, в которую он депортируется. Данный вопрос также абсолютно не рассматривался национальными судами. Тесные связи Заявителя с Россией также были оставлены без внимания российскими властями в их письменных замечаниях. Что касается связи Заявителя с Индией, то власти отметили, что однажды Заявитель отправил из колонии письмо родным в эту страну, на основании чего выразили сомнение в том, что «у заявителя отсутствуют какие-либо связи с Индией и заявитель столкнется с какими-либо непреодолимыми трудностями проживания в стране своего рождения» (см. пункты 72—73 письменных замечаний властей). При этом власти сослались на Постановление Суда по делу *Samsonnikov v. Estonia*, no. 52178/10, 3 July 2012, касающееся дела, по которому заявитель действительно утверждал, что он не имеет абсолютно никаких связей ни с какой страной, отличной от государства-ответчика (Эстонией), в том числе с Россией, гражданином которой он формально

являлся (см. пункты 66 и 71 Постановления Суда). Однако Заявитель не утверждал, что у него отсутствуют какие-либо связи с Индией и он столкнётся с непреодолимыми трудностями проживания в ней. В своей жалобе в Суд заявитель указал, что он утратил не все, а «тесные личные связи с Индией, прожив в России практически всю взрослую жизнь» (см. пункт 56.2 формуляра жалобы в Суд). Но главным отличием дела заявителя от дела *Samsonnikov*, на которое сослались российские власти, заключается в том, что близкие Заявителя – его гражданская жена и двое маленьких детей, с которыми у него имеются тесные семейные связи, действительно столкнулись бы с непреодолимыми трудностями проживания в Индии, т.е. стране, где они, в отличие от России, могли бы проживать с Заявителем одной семьёй. Ничего этого в деле *Samsonnikov* не было. И вывод Суда об отсутствии у заявителя по этому делу и его сожительницы непреодолимых трудностей проживания в России был сделан на основе следующих фактов и вписан в следующую систему аргументов в пользу отсутствия нарушения статьи 8 Конвенции в связи с выдворением заявителя из Эстонии в Россию. Во-первых, менее тесные семейные связи с Эстонией, если сравнивать их с личными связями с этой страной, где он проживал с рождения и до ареста, за которым последовало отбывание наказания в виде лишения свободы за совершение преступления в Швеции: родственники заявителя – его отец и брат проживали в Эстонии отдельно от заявителя, и их общение не выходило за рамки обычного для взрослых членов семьи, в то время как со своей сожительницей, с которой у него не было детей, заявитель стал проживать уже после того, как ему было отказано в получении вида на жительство, в связи с чем она должна была осознавать проблемы с правом заявителя проживать в Эстонии. Во-вторых, Суд не убедили аргументы заявителя об отсутствии у него связей с Россией: заявитель получил образование в русскоязычной школе, владел русским языком как родным, а языком государства-ответчика, эстонским, владел, напротив, ограниченно, он не обращался за эстонским гражданством, но

в возрасте 20 лет обратился за российским гражданством и получил его. В-третьих, ни заявитель, ни его сожительница, если бы она захотела продолжить отношения с ним, не столкнулись бы с непреодолимыми трудностями обоснования в России: родственники заявителя являлись русскими, в России у него также имелись родственники, пусть, со слов заявителя, лишь дальние, его социальное окружение преимущественно составляли выходцы из России, русской являлась и сожительница заявителя, пусть её гражданство осталось неясным и у неё имелось право проживания в Эстонии, кроме того, географически Россия и Эстония находятся рядом и имеют общую границу. В-четвертых, за 12 лет, предшествующих отказу в продлении вида на жительство в Эстонии, заявитель был четырежды осужден в общей сложности на 8 лет лишения свободы за совершение преступлений, в том числе против общественного порядка и безопасности, в двух случаях включавших в себя насилие, а в одном касавшееся наркотиков, причем Суд отказался признавать их подростковыми правонарушениями. Наконец, Суд принял во внимание, что заявителю был запрещен въезд в Эстонию только на определенный период, составляющий три года (см. пункты 87—92 Постановления Суда).

17. Кроме того, никакие соображения в пользу обеспечения общественного порядка, оправдывающие депортацию, не считая ссылок на сам факт осуждения Заявителя за совершение преступлений, не были приведены ни национальными судами, ни властями в своих письменных замечаниях, хотя именно на это, в частности, ориентирует второе из прямо названных Судом в своих вопросах Постановлений – по делу *Jeunesse* (пункт 107), которое власти даже не упомянули (кроме как при воспроизведении самого вопроса Суда).

18. Как верно отметили власти, Заявитель никогда не обращался за российским гражданством (см. пункт 73 письменных замечаний властей). Однако власти не указывают, что, по их мнению, из этого следует.

Действительно, в Постановлении по тому же делу *Samsonnikov* Суд отметил то обстоятельство, что заявитель никогда не обращался за получением гражданства государства-ответчика. Но это было лишь одним из обстоятельств, положенных в основу вывода о том, что Суд не убежден в отсутствии у заявителя связей с Россией, за гражданством которой он обратился в 20 лет, после проживания всю свою жизнь в Эстонии. А указанный вывод являлся лишь одним из многих, положенных в основу решения об отсутствии нарушения статьи 8 Конвенции, о чем подробно написано выше. Соответственно, Заявитель не понимает этого аргумента властей. И в любом случае российские суды не принимали это во внимание при рассмотрении дела Заявителя на национальном уровне. Поэтому данный аргумент властей, что бы он ни значил, следует отклонить как не имеющий значения (см., *mutatis mutandis, Kocherov and Sergeyeva v. Russia*, no. 16899/13, § 116, 29 March 2016).

19. В апелляционной жалобе представителя Заявителя на решение Замоскворецкого районного суда города Москвы от 01 июня 2015 г. действительно было отмечено, что по причине вынесенного распоряжения Заявитель и его гражданская жена – Анохина Наталия Владимировна не могут оформить свои отношения в органах записи актов гражданского состояния (см. страницу 42 формуляра жалобы в Суд). И это было отмечено Секретариатом Суда при изложении фактических обстоятельств дела. Однако жалоба Заявителя, поданная в Суд, этого обстоятельства не касалась. И никакие вопросы, поставленные Судом перед сторонами разбирательства, не касаются прямо этого обстоятельства. Соответственно, аргументы властей в пользу отсутствия как препятствий в заключении брака между Заявителем и его гражданской супругой, так и их намерения вступить в официальный брак (см. пункты 62—67 письменных замечаний властей) не касаются настоящей жалобы и оставляются Заявителем без ответа.

20. Наконец, власти указали в своих письменных замечаниях, не ссылаясь ни на какие документы, будто бы «до 28 марта 2012 года [Заявитель]

зарегистрированным по месту жительства (пребывания), поставленным на миграционный учет или снятым с миграционного учета не значился» (см. пункт 73 письменных замечаний властей). В первую очередь следует отметить, что в соответствии со статьей 8 Федерального закона от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» единственным применимым к Заявителю основанием для постановки на миграционный учет является факт въезда иностранного гражданина в РФ, а снятия с учета – выезда из неё. Заявитель, безусловно, много раз въезжал в Россию и выезжал из неё. При этом, в отличие от жителей некоторых других государств, граждане Индии не могут въехать в Россию без визы. И на всё время своего пребывания в России Заявитель в первую очередь получал визы (см. в приложении 4 пример визы, действующей на указанный властями день его задержания – 28 марта 2012 г.). Таким образом, даже если условно допустить, что заявитель действительно не был поставлен на миграционный учет или не снимался с него, во что трудно поверить, учитывая длительность пребывания Заявителя в России, его обучение в ней, активное ведение бизнеса, то ответственность за это полностью лежит на российских властях. Кроме того, Заявитель в соответствии с тем же Федеральным законом постоянно регистрировался по месту жительства (см. в приложении 5 пример отрывной части бланка уведомления о постановке на учет, охватывающего период, на который приходится названное властями 28 марта 2012 г.). Более того, в кассационной жалобе на решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 01 июня 2015 г. и апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Московского городского суда от 08 сентября 2015 г., приложенной к жалобе Заявителя, поданной в Суд, было прямо указано, что оспариваемое распоряжение Минюста России был вынесено на основании опросного листа, содержащего ложную информацию, в частности, об отсутствии у Заявителя регистрации по месту жительства (см. страницу 66 формуляра жалобы в Суд). Соответственно, Заявитель не понимает, о каких «миграционных правонарушениях и практике уклонения от

ответственности», опасности которых предположительно «соразмерны меры в сфере миграционной политики», ведут речь российские власти в своих письменных замечаниях (см. пункт 70 письменных замечаний властей).

21. Таким образом, Заявитель всегда законно находился на территории России. Более того, никто и никогда ранее, в том числе национальные суды, не утверждали иного. Данный аргумент, к тому же не сформулированный полностью, впервые возник лишь в письменных замечаниях властей. И уже по этой причине должен быть отклонён Судом.

_____ Олег Анищик, представитель Заявителя

Приложения:

1. Доверенность на представление интересов заявителя в Суде (с первой копией – оригинал, с остальными – копии).

2. Копия решения Ленинского районного суда г. Саранска РМ от 05 октября 2016 г. по делу № 2а-3488/2016 (с официального веб-сайта суда).

3. Копия апелляционного определения судебной коллегии по административным делам Верховного суда РМ от 17 января 2017 г. по делу № 33а-3/2017.

4. Копия российской визы Заявителя, выданной 04 апреля 2011 г. на период с 04 апреля 2011 г. по 28 апреля 2012 г.

5. Копия отрывной части бланка уведомления о прибытии иностранного гражданина в место пребывания на имя Заявителя с оттиском штампа Отделения Савеловского района отдела УФМС России по городу Москве в САО, подтверждающим постановку на учет на период с 18 октября 2011 г. по 28 апреля 2012 г.